

Футуристический проект «сверхчеловека СССР»

?

Юрий Шушкевич

Концепция сверхчеловека, вульгаризированная германским нацизмом, на самом деле являлась одним из философских образов будущего, возникшим в эпоху модерна. Взлёт и крушение Советского Союза удивительно точно коррелирует с циклом ее развития и заката в XX веке. Сегодня, когда новая «экономика знаний» позволяет вернуться к реализации этой императивной антропологической идеи, насколько актуальны опыт СССР и соответствующие представления европейской и отечественной философии?

Генезис Советского Союза как государственного образования принципиально нового типа нельзя рассматривать вне контекста разви-

тия общечеловеческой идеи об изменении природы человека, о формировании людей с новыми сознанием, моралью, волей и с новыми способностями. Революционные преобразования, произошедшие в начале XX века сразу в пяти мировых империях – Китайской, Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской – во многом определялись предчувствием кардинальной смены «ветхой» человеческой природы, необходимостью ее обновления. Прогрессивное обновление человеческой природы вслед за прогрессом производительных сил – именно так должен быть сформулирован основной вызов той эпохи.

«Предчувствие сверхчеловека» начало формироваться в европейской философии еще в начале XIX века. Всё быстрее и динамичнее меняющийся мир более не мог объясняться Божественной волей, отсюда основой мироздания становилась воля природных сил, достигающая в человеке своей высшей объективации (А.Шопенгауэр). Следующим шагом была абсолютизация человеческого «Я», получившая свое выражение в трудах И.Фихте и М.Штирнера, и завершившаяся целостной концепцией сверхчеловека у Ф.Ницше. Согласно Ницше, задача сверхчеловека – противостоять своей волей злым природным силам (природной воле), управляющим миром.

Европейское отождествление человеческого «Я» с основой мироздания в полной мере соответствовало задачам и идеалам технологического уклада, который с середины XIX века всё настойчивее реализовывал себя через крупнокапиталистический строй. Вместе с тем, оно несло и неразрешимое противоречие: подобный строй, привечающий «сверхлюдей» в лице предпринимателей, финансистов и технократов, совершенно не нуждался в развитии сверхчеловеческих качеств у остальной части населения, уделом которого становился наемный функциональный труд. Мы увидим, что весьма скоро это противоречие приведет к кризису западной идеи сверхчеловека и выработке в ней принципиально иных философских доктрин.

Альтернативная концепция сверхчеловека, в полной мере способная преодолеть данное

противоречие, возникла и развивалась в России. Поиск «русского сверхчеловека», начало которому было положено в трудах Н.Страхова, В.Соловьева, Н.Федорова и других отечественных философов, основывался на духовном возрождении и преображении его земной природы. Посвящая часть своей воли собственному совершенствованию и приближению к Творцу, русский сверхчеловек уже одним этим получал возможность снять противоречие между Творцом и тварью, вследствие которого на земле существуют неравенство и нужда. Согласно Н.Страхову, человек – центральный узел в мироздании, в трактовке Н.Бердяева – именно человеческий свободный творческий дух способен преодолеть ограниченность бытия.

При внешне схожем антропоцентризме, западная и русская трактовки сверхчеловека различались в своих «предельных состояниях»: европейская модель стремилась к экзистенциальному преодолению ограниченной земной сущности человека, русская же – несла идею преображения человеческой сущности, идею создания Нового человека, идею Богочеловека.

«Но какое значение все эти философские инвективы имеют для жизни?» – спросите вы. Оказывается, самое прямое и непосредственное. Философы, будучи людьми умными и духовно развитыми, лучше остальных чувствуют перемены, которые несут законы мироздания, преломляясь в изменяющемся человеке – по причине чего их книги хотя бы изредка стоит

читать.

Именно предвосхищение, «предчувствие Нового человека» явилось глубинной основой успеха русской революции 1917 года. Революционеры и увлечённые ими массы самых разнообразных партий и пошибов могли быть сколь угодно корыстны, извне мотивированы, ограничены, бессердечны, безумны – но они никогда не променяли бы спокойную жизнь и налаженный быт на лишения и борьбу, если подобные предвосхищения и внезапно открывающиеся идеи близкой новой жизни не снадали бы, не лишали покоя и сна. Большая их часть никогда не читала философских книжек, зато философы могли достаточно точно предсказать и заранее описать те состояния и обстоятельства, которые с неизбежностью будут вынуждать людей пытаться изменить свою жизнь.

«Дворцовый переворот» с захватом «командных высот» на II Съезде Советов в Петрограде, к которому сегодня часто пытаются свести революционные события 1917 года, никогда не смог привести к созданию на обломках империи нового могучего государства, если бы идеи глубинного, подлинного преобразования человеческой природы, для воплощения которых в новом государстве открылся необходимый простор, не обеспечивали ему реальную поддержку со стороны миллионов. Желание пограбить, обязательно присутствующее при любой революции, не может быть креативным – креатив, необходимый для успеха революционных преобразований, да-

вало представление о том, что старая царская Россия, безнадежно отстав от Запада, рискует, пытаясь устранить этот разрыв, ещё более увязнуть в тенетах проблем, из которых Запад еще даже не начал выбираться. Средний русский человек начала XX века едва ли имел даже относительное представление о реальных проблемах Запада, но точно знал, что Божьего царства в Европе и Америке нет. Поэтому не было и смысла их догонять, необходимо было волевым усилием перенести себя в некое более совершенное Новое общество, которое затем всё тою же своей волей продолжать развивать. Широкое укоренение в России марксистских идей позволяло не сомневаться, что Новое общество реально (не могли же два бородатых «немца» ошибиться!) – стало быть, реален и рывок в него. И когда подобное представление стало массовым, революция сделалась неизбежной.

Запомним эту логическую связку: тёмная несправедливая жизнь – еще большая несправедливость, маячащая за ближайшим поворотом; зато далее – сверкающее царство истины и добра, путь к которому закрыт природными и социальными «злыми силами». Употребив свою волю на преодоление этого разрыва, добиваемся для себя искомой новой жизни и – посредством всё той же воли – начинаем заниматься собственным преобразованием. В переводе на язык философии это звучит так: в человеке, совершающем революцию и строящим Новую жизнь, природные силы получают высшую объективацию, благо-

даря чему человек возносится над природой и над жизнью. Атеисты на этом могли поставить точку, люди с верой могли бы добавить, что человек при этом еще и уподобляется Творцу – к чему, как известно, каждый христианин должен стремиться. Сказанное выше – не заурядная формула революции. Это программа генезиса сверхчеловека с преображенной природой, о котором писали русские философы.

Так что в становлении Советского Союза идеал Нового человека, или сверхчеловека, сыграл едва ли не определяющую роль. Он на подсудном, часто неосознаваемом уровне сознания оправдывал потери и лишения, убеждал в некорыстном характере перемен, без использования каких-либо PR-технологий обращал к СССР подлинные симпатии миллионов людей во всем мире. «Очарование советским строем», которому в довоенные годы поддавались даже наши прирожденные недоброжелатели, было ничем иным, как отражением ярких, подлинных, не нуждавшихся в управлении извне результатов человеческого развития и преобразования. Несмотря на официальный атеизм советского государства, в своей сути этот процесс имел христианскую моральную основу – что, в частности, определяло открытость и интернационализм советской модели.

Основу бытия Нового человека должны были составлять всезнание, универсальность, свобода от пороков «проклятого прошлого», стальная воля, вера и идеал и т.д. В отличие

от Запада, в Советском Союзе идея сверхчеловека внятно и отчетливо никогда не провозглашалась, однако это не мешало ей глубоко укорениться в сознании людей, стать едва ли не основной частью советского акматического идеала. Если не касаться записных героев той эпохи – лётчиков, полярников, героев Испании и Хасана, – то на практике массовый идеал советского сверхчеловека реализовывался через отрицание свойств и характеристик «человека прошлого». Действительно, дореволюционная эпоха для большинства была тёмной и страшной страницей истории, в то время как строительство новой жизни кардинально меняло людей, выводя прежние пороки и привычки за грань нравственно допустимого. И, конечно же, идеал сверхчеловека проявлял себя через неистовое стремление к знаниям. Ни одна из инициатив советской власти не имела столь живого и горячего отклика, не обрела столько миллионов последователей и искренних почитателей, как развитие в СССР первоклассного среднего и высшего образования. Что бы ни говорили сегодня о «реализме» и трагичности той эпохи, определяющими отношениями для бытия людей в Советском Союзе до конца 1930-х годов были сильнейший акматический подъем и подлинная гонка за новыми знаниями, новыми практиками, новыми талантами.

В советском акматическом идеале очень важную роль занимала задача истребления косного и рутинного труда, на смену которому должен был прийти труд свободный и творче-

ский, с невиданными доселе показателями производительности. Последнее – очень примечательно, поскольку одновременно с человеком преобразению подлежала и сфера производства материальных благ: советский сверхчеловек должен был «проскочить» ограниченность существующего промышленного уклада и, как можно скорее, отказаться в технологическом укладе Будущего, где необходимые блага будут производить машины, а призывом сверхлюдей станут научный поиск, технологическое творчество и искусство.

Конечно же, создать в СССР общество сверхлюдей не удалось. Был лишь явный и мощный градиент движения к этому идеалу – но даже он значил весьма многое, буквально за считанные годы радикально меняя людей. Однако в сфере межнациональных отношений сверхчеловечность в СССР вполне состоялась, поскольку в стране был реально преодолен национализм. Для общества, намеревавшегося волей своих членов изменять мир, категории, подобные этничности, становились ничтожными и неразличимыми. Советский интернационализм, сформированный и укоренённый за считанные годы, был подлинным и непридуманным. Между прочим, если бы германский рейх также опирался на интернациональную идею – хотя бы в рамках европейской общности наций – он был, скорее всего, непобедим.

Также в СССР не удалось сформировать и законченной теории Нового человека – совет-

ского сверхчеловека. Сначала официальная марксистская доктрина крайне настороженно относилась к «религиозным экивокам» дореволюционной русской философии (достаточно вспомнить разгром Лениным идей «богостроительства» марксистов Луначарского и Базарова-Руднева, в которых содержалась искренняя попытка найти основу бытия в результатах человеческого творчества). А по вполне понятным причинам с конца 1920-х годов «сверхчеловечность» терминологически начала считаться в СССР проявлением фашистской идеологии.

Однако к тому времени начала трагически эволюционировать и меняться западная идея сверхчеловека. Как мы помним, в ней не сохранилось идеи человеческого преображения: европейский сверхчеловек, преодолевая волей сопротивление косных природных сил, а также самого себя в процессе безжалостного дарвиновского отбора (помните знаменитое «Падающего подтолкни!»), должен был лишь воссоздать свою подлинную, исходную и неискаженную природную сущность. Отсюда европейский сверхчеловек, закончив решать проблемы с природой и обществом, должен был попросту стать хозяином последних. Но в «непреображённом» мире, где миллионы людей вынуждены были продолжать трудиться в шахтах и у станков, «сверхлюди» могли укорениться лишь в вершине социальной пирамиды, нижние ярусы которой отводились для не прошедших естественный отбор «унтерменшей». Достигшая подобного концептуаль-

ного завершения в гитлеровской Германии, сверхчеловеческая идея стала идеей античеловечности, то есть выродилась.

На смену вырождающейся идеи сверхчеловека в Европе к началу тридцатых годов пришла «философская антропология» М.Шелера и А.Гелена (оба философа, что показательно, были немцами, а Гелен даже вступил в НСДАП – то есть их сознательный уход от «официального» ницшеанства более чем показателен). Основная мысль «философской антропологии» – человек в высшей степени сложен и иерархичен, волевые порывы не способны решить никаких его проблем, заниматься нужно самопознанием (для избранных) и социальной гармонизацией (для остальных). Иными словами, человека надлежало с существующим порочным и несовершенным обществом примирять, благодаря чему общество постепенно тоже должно было меняться к лучшему. «Мещанство!» – воскликните вы. Совершенно верно, на смену технологически невозможному преодолению несовершенной и несправедливой жизни следовал призыв к отказу от «излишних» человеческих претензий, к примирению и сознательному конформизму.

Значительно более достойный и отнюдь не «мещанский» путь к разрешению противоречий между человеком и средой предложил европейский экзистенциализм. Вместо познания человека в координатах мировой иерархии в качестве основной задачи людей было провозглашено познание человеческой сущности, которое предполагало уход от идей ра-

ционального преобразования мира в направлении переживания индивидуального иррационального бытия.

Экзистенциализм оказался поистине гениальным открытием философии, поскольку вернул слабому, «маленькому человеку» точку опоры, научил выживанию в жутком, свирепом и не поддающемся преобразованию мире с сохранением чести, лица, с простором для личного внутреннего развития, против которого бессильны все вместе взятые эксплуататоры, негодяи и палачи. Ж.-П.Сартр был абсолютно прав, назвав свой знаменитый доклад «Экзистенциализм – это гуманизм». Пожалуй, в кошмарной реальности середины XX века иного убежища для гуманизма просто не существовало. Увы, знание об этом было доступно в те годы только немногочисленной интеллектуальной элите: именно поэтому самый значительный в мировой литературе экзистенциальный роман – «Мастер и Маргарита», будь он опубликован каким-то чудом в 1940 году, остался бы не понят и, скорее всего, искренне проклят – причем не только в СССР, но и в Европе. Сверхчеловеческая идея к тому моменту еще не достигла своего предела и продолжала развиваться – поэтому пронизывающая роман вполне христианская идея обращения человеческой воли вовнутрь самого себя – несмотря на то, что для этой воли имелись более доступные и выгодные земные приложения – у Булгакова могла проявиться только в декорациях дьявольского карнавала.

Подобные малозначимые для широкой публики философские и литературные нюансы означали, на самом деле, фундаментальный поворот, который мировая промышленная цивилизация начала совершать с 1930-х годов от классических идей антропоцентризма к идеям функционализации человека, к превращению его в один из производственных элементов будущего технократического строя. Мы уже говорили, что философские идеи обычно опережают свое время: так вот, время «функционального» человека, довольствующегося полнотой бытия исключительно «внутри себя», в полной мере наступает именно сегодня, когда в условиях сверхразвитых производительных сил, контролируемых тончайшей прослойкой финансовых и технократических элит Запада, уделом остальных становится одинаковый для работяг и менеджеров редуцированный функциональный труд. И если подобное состояние общества не будет преодолено, то экзистенциализм останется, пожалуй, единственным выходом для тех, кто, не желая превращаться в чипированных киборгов, намеревается сберечь свою человеческую природу. Не думая о «свете», по крайней мере, заслужить для себя и своих близких восточного «покоя» – ведь как говорят футурологи, киборги не будут умирать в привычном и полном смысле, детали их организма и мозга смогут использоваться и работать вечно...

Но вернемся в эпоху великих иллюзий и несокрушённых надежд. Советский Союз, разви-

вавшийся в 1930-е годы по логически иному, чем капиталистический Запад, пути, через отрицание едва ли не единственного отношения редукации сложного труда к труду простому (так как сверхчеловек по определению способен непосредственно производить и обмениваться продуктами сложного труда) обретал номинальную возможность избежать кабалы функционализации. Имел возможности для укоренения и дальнейшего развития в своих гражданах подлинных сверхчеловеческих творческих начал, для преобразования общества исполнителей в общество творцов, для изменения, в конечном итоге, самой природы человека. В техническом плане для этого было нужно создать производительные силы, которые были бы в состоянии обеспечивать изобилие жизненных благ с минимальным (а лучше – с нулевым) расходом простого труда. Между прочим, именно подобная метацель стояла за позднесталинскими инновациями, связанными с развитием ядерных технологий, энергетики, органической химии, электроники и других сверхновых на тот момент отраслей, чьи гигантские темпы роста в конце 1940-х – начале 1950-х годов в полной мере поддерживали подобную убежденность, а колоссальные ресурсные возможности СССР делали реалистичными разговоры об экономике, в которой стоимость товаров со временем будет стремиться к нулю. Но для достижения подобного успеха было необходимо начать рассматривать бытие советского общества как уникальный всемирно-исторический шанс

во имя земного человеческого Преображения, во имя Богочеловечества. Увы, подобные идеи, в изобилии рождавшиеся и развивавшиеся накануне революции и в первые годы после нее (группа «Вперёд», «каприйская школа», М.Горький, русский постреволюционный авангард и т.д.), уже к середине тридцатых годов оказались исключенными из общественного дискурса. Хотя Сталин, отдадим ему должное, так и не позволил в годы своей жизни ввести в советскую политэкономия классическую идею потребления – эту «антиновацию» сотворили уже в годы правления следующего советского лидера.

У нас стало едва ли не традицией и «хорошим тоном» возлагать вину за смену акматического общественного дискурса двадцатых-тридцатых годов на Сталина и установленный им «тоталитарный режим», истребивших «романтиков революции». Однако революционный романтизм являлся лишь внешней эмоциональной формой, одинаково приемлемой для различных человеческих типов: так, основной блок идей, противостоявших Сталину и тяготевших к словам и делам Л.Троцкого, как раз и исключал в революционере подлинную сверхчеловечность, рассматривая его в качестве функционального «винтика» в машине Мировой революции. Парадокс – но уничтоженное Сталиным «поколение революционеров» не носило в себе никаких идей сверхчеловечности, их идеалом, напротив, были «мобилизация масс» и создание трудовых армий, предвосхитивших ГУЛАГ. В этом контек-

сте идеи Троцкого – при всём их внешнем революционном антураже – сегодня оказываются вполне комплиментарными дискурсу западной цивилизации на функционализацию общества, руководимого узкой элитарной прослойкой.

Парадокс второй – Сталин, учредивший в СССР жёсткую бюрократическую вертикаль и «деспотически подавлявший свободу», вполне разделял отвергнутые Лениным и Троцким идеи «богостроительства», а также рождённые «русским ренессансом» представления о Новом человеке. Собственно, «госзаказом» Сталина советской культуре было ничто иное, как задача воспитания этого самого нового человека. Причем идеалом становился отнюдь не послушный «винтик», а творчески одаренный, физически развитый, аполлоновского типа советский человек – чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к массовой советской литературе той эпохи. Причина, по которой при Сталине практически не строили малогабаритное доступное жилье, но зато возводили поразительные дома-дворцы, состояла всё в том же: советский сверхчеловек не должен был ютиться в «лачугах» и «клетушках»...

При всей неоднозначности и трагичности советской истории, опыт СССР по формированию Нового человека, или советского сверхчеловека, – уникален, и он ещё ждёт своего полноценного и объективного исследования. Поскольку «новый человек» в СССР рассматривался открытым миру, несущим всем ну-

ждающимся защите, знания, прогресс и т.д., одно уже это не позволяет проводить параллели между «тоталитарными режимами» СССР и гитлеровской Германии – желание уравнивать которые сегодня становится навязчивой идеей у отечественных и западных либералов. Проявлять уважение к советскому проекту необходимо хотя бы потому, что в годы Второй мировой войны, в условиях равных техноэкономических потенциалов СССР и Германии, именно антропологический тип советского сверхчеловека в полной мере доказал свое и волевое, интеллектуальное и деятельностное превосходство над «арийским сверхчеловеком» – победа которого, сумей она состояться, изменила бы современный мир до неузнаваемости и отнюдь не в лучшую сторону.

К.Симонов как-то заметил, что «войну выиграл сталинский школьник». А ведь именно это самое поколение «сталинских школьников», родившихся в начале двадцатых и в полной мере сформировавшееся под воздействием идей преобразования мира и человека, в течение своей недолгой – для большинства из них – земной жизни смогли собственной волей и жертвенностью изменить ход истории. Иными словами, в полной мере реализовали идею собственной сверхчеловечности. Страну и мир в годы войны спасли именно они, а не «истерзанные режимом бесправные орды» – будем же помнить, какого рода людям мы обязаны своим нынешним бытием!

В чем же заключалась неудача советской

идеи Нового человека, и насколько с ее закатом потерпела фиаско глобальная идея русской философии по преобразению человеческой природы, по воссозданию в ней Божественной сущности?

Прежде всего, новый человеческий тип не мог укорениться и воспроизводиться естественным путем в условиях старого промышленного уклада, основанного на использовании преимущественно редуцированного человеческого труда. Этот уклад господствовал на Западе, и он же – в процессе индустриализации – объективно воссоздавался в Советском Союзе. Возведённые в годы первых пятилеток промышленные гиганты лишь обеспечивали стране конкурентоспособность с Западом, но никак ни товарное изобилие и ни ликвидацию простого труда. Поэтому в части возможностей вести творческую, свободную от рутины выживания жизнь «сверхлюдьми» в СССР являлись лишь крупные ученые, конструкторы, организаторы промышленности, деятели культуры, военачальники... Элитарность данного человеческого типа, первоначально рассматривавшаяся как временное явление, так и не смогла быть преодолена. Советская элита, в свое время формировавшаяся на началах позитивного отбора, быстро превратилась в квази-феодальную прослойку, претендующую на ограниченное количество благ. Интерес «сверху» к продолжению позитивного отбора угас. Интерес же к позитивному отбору «снизу» не смог сформироваться в силу того, что превратившаяся в функциональные «вин-

тики» большая часть советского народа почти не имела возможностей для изменения своего социального статуса, за исключением разве что комсомольской или партийной карьеры. Но для успеха в последней требовались отнюдь не «сверхчеловеческие» качества, а качества, определяющие негативный отбор – карьеризм, лесть, приспособленчество, цинизм и т.д.

Таким образом, необходимый для формирования нового человеческого типа позитивный отбор к концу 1930-х годов перестал работать в системе партийной и государственной власти, а к середине 1960-х покинул практически все сферы советской жизни. Причем критичным оказалось не изменение идеалов (генезис и смена идеалов – закономерный процесс), а смена мировоззренческих и поведенческих доминант, прежде всего отказ от примата деятельности в пользу иждивенчества и уход от романтизма в область цинизма.

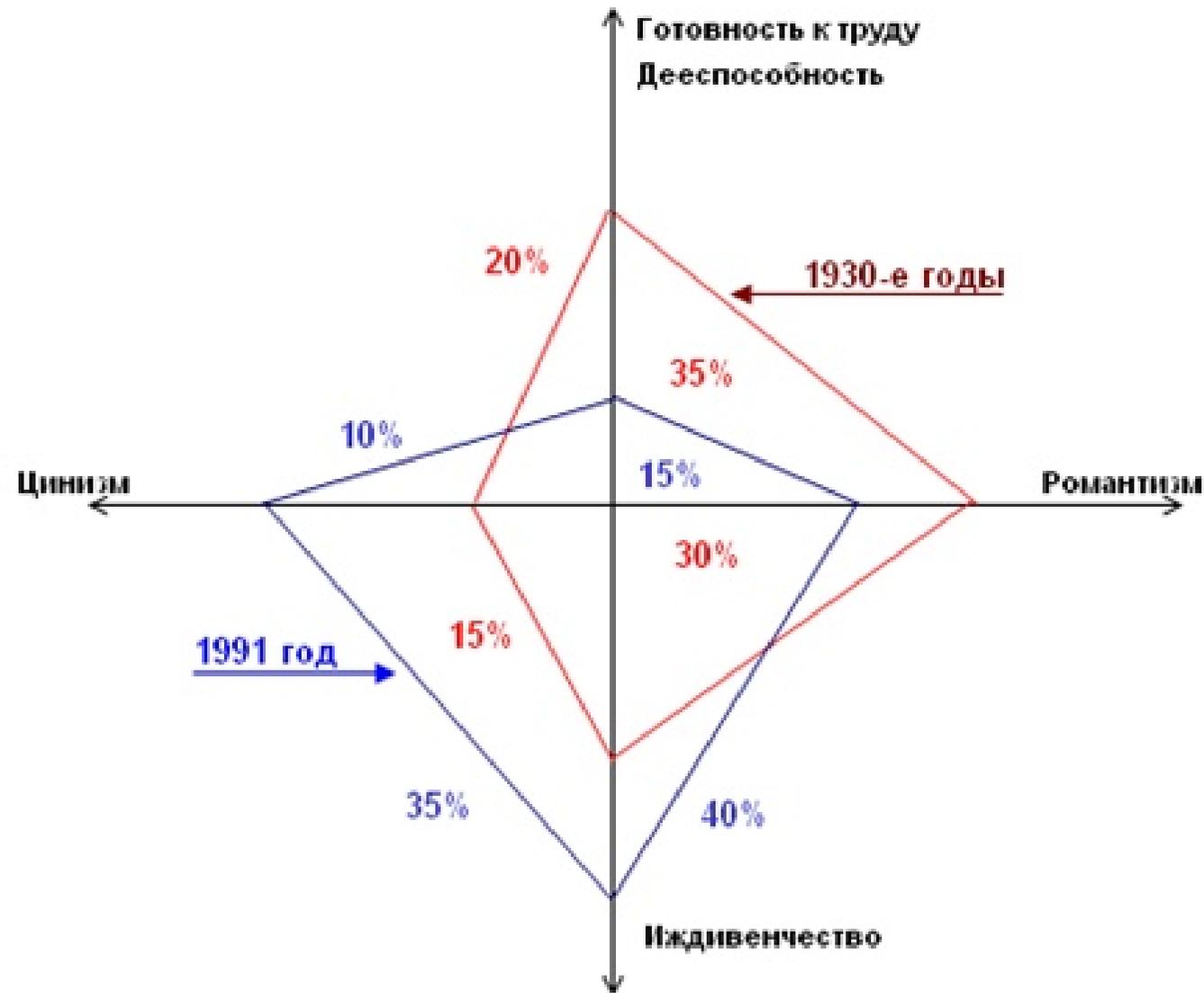
Последняя трансформация состоялась в связи с изменением психологического типа советского человека в процессе перехода от «классической эпохи» к технократическому обществу модерна. Сверхчеловек тридцатых был дуалистичен: идеологически устремлённый к высотам модерна, психологически он всё ещё оставался носителем общинно-крестьянских архетипов. Первоначально данный дуализм не только не был конфликтен, но и порождал синергию: архетипические общинные представления о Беловодье идеально сочетались с идеалом общества справедливости и гармо-

нии, а многовековая крестьянская, артельная привычка к напряженному труду формировала мощнейшую трудоспособность. Из рассказов старших родственников многие из нас должны помнить, что в те годы мало кто использовал свое свободное время в целях привычного для нас сегодня отдыха в кресле у телевизора – большинство посвящали его какой-то обязательной практической деятельности: от занятий спортом с соседскими детьми до изготовления домашней мебели...

На приводимой ниже графической социометрической модели, группирующей общество в разрезе психологических и деятельностных мотиваций, показано, что для довоенной эпохи было характерно преобладание «дееспособных романтиков» – в основе своей Новых людей, выросших из общинной традиции. Рядом с ними – консорция «дееспособных циников» – профессиональных администраторов и политиков. Вместе они и образовывали мощный человеческий слой «сверхлюдей тридцатых», численность которого правомерно оценить в 55% от всего населения.

Катастрофа произошла с поколением детей «дееспособных романтиков» в шестидесяти-семидесяти годы. В неузнаваемо изменившемся к тому времени обществе и мире были полностью изжиты реликты общинного архетипа, питавшие романтический взгляд на жизнь, а аналогичных им, но уже из технократических сфер модерна – несмотря на все усилия советской научной фантастики – не возникло. Вместе со сменой знака психологи-

Принципиальная схема изменения психологических и деятельностных мотиваций в советском обществе с 1930-х к 1991 г

ческой доминанты изменилась и доминанта отношения к труду, в результате чего к концу восьмидесятых в стране резко увеличилась численность «циничных иждивенцев» – наиболее антисистемного и балластного человеческого типа. Вчерашние «романтики» встретились в соответствующем квадранте с потомками не покидавших его десоциализированных элементов – всевозможных «бывших людей», гопников, представителей уголовного эгрегора и т.п. В тридцатые годы таковых также было достаточно – не менее 15%, к девяностым же их стало более трети. Там же и ожили причудливо трансформировавшиеся в эпоху модерна наиболее мрачные элементы древнего общинного архетипа – завистливость, нигилистичность, животное неприятие культуры как образа человеческой свободы, вандализм, поклонение и садистическое любовование насилием. Если провозглашённая когда-то «страна мечтателей, страна учёных» была по доминанте своего менталитета страной прежде всего горожан, страной стремительно расширяющейся городской культуры, то к обозначенному рубежу СССР стал возвращаться в лоно полугородской, полудеревенской культуры посадка. Понятно, что в таких условиях не могло быть речи не только о сверхчеловечности, но и об элементарном модерне.

Не могу не сказать и о горьких, затянувшихся поминках советского сверхчеловека – о нарастающем с послевоенных лет невиданном в истории цивилизаций национальном запое.

Причиной этого запоя называют и привычку, берущую начало от пресловутых фронтовых «ста грамм», и послевоенный шок от масштаба человеческих утрат. Я же полагаю, что основная причина – прежде всего укоренившаяся в коллективном бессознательном скорбь по утраченной идее сверхчеловечности. Эта скорбь оказалась максимальной прежде всего у трех славянских народов – даже не в связи с тем, что славянство было неким хребтом советского народа, а в силу того, что посредством сверхчеловечности обретал надежду на воплощение «комплекс Беловодья» – вековая славянская мечта о мире, гармоничном человеке, то есть преобразенном его свободной и разумной – иначе сверхчеловеческой – волей.

Таким образом, прежде, чем прекратил свое существование Советский Союз, исчез тип человека, в интересах развития и во имя триумфа которого СССР строился и развивался на протяжении своих 67 лет. После 1991 года Россия подобрала остатки когда-то прекрасного человеческого материала, деградация которого продолжается на наших глазах. Чтобы преодолеть инволюцию российского общества, необходимо заново запустить процесс его социогенеза – однако где те сильные и неспекулятивные идеи, способные справиться с подобной задачей?

Самое поразительное в том, что такая идея есть, и это – по-прежнему идея сверхчеловечности. Я утверждаю так не из-за привязанности к только что изложенным умозаключени-

ям, а в силу совершенно объективной закономерности: новый постиндустриальный строй впервые в человеческой истории формирует все предпосылки для того, чтобы сверхчеловечность наконец-то смогла быть воплощена!

Судите сами. Новый технологический уклад, основанный на биоэкономике (работают микроорганизмы) и роботизированных сборочных производствах (работают автоматы), делает реальным производство жизненных благ с существенным ослаблением ресурсных ограничений и минимальными затратами простого труда, а в своем пределе – и без таковых. Новые биомедицинские технологии снимают и другое ограничение – «лимит» по здоровью и продолжительности человеческой жизни. Таким образом, человек будущего освобождается от социальной и экзистенциальной ограниченности, а его свободная творческая воля – в полном соответствии с мыслями А.Шопенгауэра – становится полноценной основой бытия. И наконец-то получает возможность – теперь уже в соответствии с идеями русской философии – сотворчествовать Творцу в преображении мира.

Правда, в наиболее технологически развитой части мира – в обществах Запада – ничего подобного не предвидится. Антропологический дискурс там давно и устойчиво задан углублением отношения функционализации человека как единственно возможного способа его бытия в условиях экзогенно иерархизованного общества. Под этим сложным терми-

ном понимается весьма простая вещь: западное общество, сформированное и управляемое сверхузкой прослойкой финансовой и технократической элиты, может продолжить свое существование только при условии похищения, «убийства» свободного времени людей, высвобождающегося под воздействием прогресса технологий и медицины. Если в обществе будущего, где для получения жизненных благ люди смогут работать всё меньше, высвобождающееся время не «изымать», то по причине неизбежной реализации его членами своего подлинного творческого потенциала иерархичность общества начнет неуправляемо и необратимо изменяться. На смену экзогенной иерархичности, сформировавшейся и институциализировавшейся в далёком прошлом, придет иерархичность эндогенная – динамичная, подвижная, живая. Поэтому западные элиты, господству которых, в общем-то, ничего сегодня не угрожает, делают всё для того, чтобы высвобождающееся свободное время граждан «золотого миллиарда» было посвящено пусть фиктивному, ритуальному, но зато безальтернативному функциональному труду. При всём могуществе и блеске Нового Запада рождения сверхчеловека там не предвидится. Зато значительно вероятнее, что киборги со временем возникнут именно в его пределах.

У России, несмотря на её дрящущийся упадок, сегодня парадоксальным образом есть абсолютно реальные и, пожалуй, наилучшие среди остальных стран мира шансы на возврат к

Вспомним образы *Новых людей* ушедшей советской эпохи:

Сможем ли мы когда-либо воссоздать подобную уверенность в своих силах и позитивное чувство жизни?

антропоцентричной модели развития, единственной на сегодня способной сохранить позитивную человеческую природу, а со временем – и преобразить её. Беспрецедентные территориальные и ресурсные возможности, сохранение ядер основных научных и технологических школ, практическая доступность технологий нового уклада, практическая достижимость «экономики знаний» – и, конечно же, уникальный и бесценный своими взлётами и падениями опыт развития Нового человека. В нашей стране возможно не только укоренить паритетный с Западом новый технологический уклад, но и сформировать полноценную систему социально-экономических отношений, воспроизводящих подвижную эндогенную иерархичность. Подобная «параллельная Россия» вполне способна развиваться в режиме конвергенции с существующей общественно-политической системой, без революций и государственных потрясений трансформируя последнюю к собственным стандартам. Высшей земной ценностью преобразённого подобным образом российского общества явится уже знакомое нам бытие сверхчеловека. А небесные идеалы каждый сумеет определить по вере своей.

Возрождение России в качестве своего важнейшего и необходимого условия должно опираться на восстановление творческой и полноразмерной природы человека как основы для развития его нравственных, интеллектуальных и духовных сил. И именно поэтому в коротком, неоднозначном, трагическом и яр-

ком периоде советской истории мы можем отыскать подлинный и объективный опыт генезиса Нового человека, столь важный для России сегодня.